

Александр Восьмой

Книга 8. «Фаргус и
Лесное Дыхание»

18+

Александр Восьмой

**Книга 8. «Фаргус и
Лесное Дыхание»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 8. «Фаргус и Лесное Дыхание» / А. Восьмой — «Автор», 2026

Фаргус шёл через лес с донесением и сбился с пути на развилке, где два дуба обнялись, образуя ворота. Он прошёл под ними — и лес выдохнул ему в спину. Тепло, влажно, с запахом гнилой хвои. С тех пор Фаргус слышит, как лес дышит. Днём — тихо, ровно. Ночью — рвано, жадно, как задыхающийся зверь. И чем глубже он уходит, тем короче вдох. Фаргус боится, что лес задохнётся — и тогда всё, что в нём живёт, ринется наружу. Через него.

Александр Восьмой

Книга 8. «Фаргус и Лесное Дыхание»

Глава 1. Ворота из двух дубов

Фаргус нёс донесение и сбился с пути. На развилке два дуба обнялись, образовав ворота. Он прошёл под ними — и лес выдохнул ему в спину. Тепло, влажно, с запахом гнилой хвои. Первая ночь научила его: лес дышит. И это дыхание — не метафора.

К рассвету Фаргус нашёл лагерь. Мужик Оптима сидел у погасшего костра, будто врос в землю. Рядом Даффи Толстяк нервно теребил край плаща, а Окси всматривался в чашу, словно ждал, что из неё шагнёт сама тьма. Сиринити держала в руках тонкую серебряную нить — она говорила, что это оберег, но в её глазах читался страх, куда более древний, чем любая магия. Прима молча раскладывала сухие ветки, будто пыталась собрать из них дорогу назад.

— Ты опоздал, — глухо произнёс Оптима, не поднимая головы. — Лес не любит, когда через его ворота ходят без спроса.

Фаргус сглотнул. Он хотел рассказать про дыхание леса, про то, как с каждым шагом воздух становился тяжелее, будто наливался чужой волей. Но слова застряли в горле — он вдруг понял, что остальные уже знают. Знают и потому молчат.

В тот миг из глубины чащи донёсся звук — не треск сучьев и не вой зверя, а долгий, рваный вдох, будто кто-то огромный силился набрать воздуха. Все замерли. Даже пламя, которого не было, будто вспыхнуло в воображении каждого.

Оптима медленно поднялся.

— Лес задохнётся, — тихо сказал он, глядя туда, где тьма казалась плотнее. — И когда это случится, наружу ринется всё, что он держал взаперти. Нам нужно найти корень, который держит эти ворота. Пока не стало поздно.

Фаргус крепче сжал свиток с донесением. Бумага вдруг показалась ему не вестником судьбы, а крошечным якорем в бушующем море.

— Я покажу, где я прошёл, — выдохнул он. — Под теми дубами... там воздух другой. Как будто сама земля шепчет: «Не возвращайся».

Оптима кивнул, и в этом кивке не было ни одобрения, ни утешения — только принятие неизбежного.

Они двинулись в сторону дубовых ворот. Тени тянулись за ними, словно хотели утянуть обратно в темноту.

Глава 2. Вдох короче выдоха

Днём лес дышал ровно — терпимо, почти спокойно. Ночью — рвано, жадно, как зверь, который не может набрать воздух. Фаргус шёл дальше, и с каждой милей вдох становился короче. Он считал секунды между вздохами. Промежутки таяли.

Рядом шагал Мужик Оптима — молчаливый, тяжёлый, будто сам был частью этой земли. Даффи Толстяк то и дело оглядывался, будто ждал, что из темноты выскочит нечто, способное одним рывком утащить его в чашу. Окси шёл впереди, держа в руке тускло светящийся камень: его свет не разгонял тьму, а лишь выхватывал из неё отдельные жуткие детали — скрюченные корни, похожие на когти, стволы, будто покрытые тонкой плёнкой пота. Сиринити шептала под нос обрывки древних слов — не заклинание, а, скорее, попытку удержать себя в реальности. Прима шла последней, не отрывая взгляда от земли: она видела то, чего не замечали остальные, — следы, которых не должно было быть.

— Ещё немного, — бросил Оптима, не сбавляя шага. — Там, где корни выходят на поверхность, лес тоныше. Там можно дотянуться до его сердца. Или хотя бы до голоса.

Фаргус хотел спросить, что значит «дотянуться», но не успел. В тот миг лес снова вздохнул — и на этот раз выдох был почти беззвучным, будто ему не хватило сил. Тишина повисла, густая и липкая, как смола.

Даффи всхлипнул:

— Он задыхается...

Окси поднял камень выше, и в этом бледном свете стало видно, как дрожит воздух. Не от ветра — от напряжения. Как будто сама ткань мира натянулась до предела.

Сиринити резко остановилась, вцепившись в рукав Фаргуса:

— Слышишь? Он не просто дышит. Он зовёт.

И правда: между вдохами теперь проскальзывало что-то ещё — шёпот, сотканный из тысяч голосов. Слов нельзя было разобрать, но смысл был ясен: «Останься. Стань частью. Слейся».

Прима тихо произнесла:

— Это не зов. Это ловушка. Он хочет, чтобы мы перестали быть собой. Чтобы стали его голосом.

Оптимист стиснул кулаки.

— Тогда нам нужно успеть раньше, чем он заберёт наш голос. Найдите место, где корни сплетаются. Там, где земля поёт громче всего.

Они двинулись дальше, теперь уже не просто сквозь лес — сквозь его нарастающую боль. Каждый шаг отдавался в груди, как чужой пульс. Фаргус крепче сжал донесение: бумага казалась единственным доказательством того, что когда-то существовала иная жизнь — за пределами этого задыхающегося мира.

Впереди мелькнули первые корни — толстые, узловатые, будто вены исполинского существа. Они выползали из земли, сплетались, тянулись вверх, словно хотели обнять небо. И там, в самом центре, между ними, зияла тёмная впадина — рот земли, готовый принять жертву.

Оптимист остановился и посмотрел на остальных. В его взгляде не было страха — только решимость.

— Вот оно, — тихо сказал он. — Здесь лес говорит громче всего. И здесь мы должны заставить его услышать нас.

Глава 3. Мужик, который не боялся

Оптимист нашёл Фаргуса у поваленной ели — тот сидел, прижав ладони к земле, и слушал. Оптимист рассмеялся: «Лес — он как баба, пугает, пока не обнимешь». Но когда ночь упала, даже он затих. Потому что под землёй что-то сглотнуло.

Звук был негромким, но таким плотным, что казалось — он не в ушах, а в костях. Даффи Толстяк вжался в ствол ближайшего дерева, будто хотел в него врасти. Окси поднял свой светящийся камень, но свет лишь подчеркнул, как странно легли тени: они не лежали, а шевелились, словно искали, за что ухватиться. Сиринити стиснула в пальцах серебряную нить, и та вдруг слабо вспыхнула — будто сама испугалась того, что видела. Прима присела на корточки и провела ладонью по мху: её лицо стало серым, как пепел.

— Земля дышит не вверх, — прошептала она. — Она тянет вниз.

Фаргус оторвал ладони от почвы и посмотрел на них, будто ожидал увидеть на коже узор корней.

— Он глотает, — сказал он, не обращая ни к кому конкретно. — Каждый вздох — это глоток. И чем меньше ему воздуха, тем сильнее тянет под себя.

Оптима шагнул вперёд, и в этом шаге не было бравады — только упрямая необходимость быть впереди.

— Значит, надо дать ему то, чего он не ждёт, — произнёс он твёрдо. — Не страх. Не покорность. А голос. Свой, отдельный. Пусть поймёт, что тут не только он.

Окси хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только попытка вернуть себе уверенность.

— И как мы это сделаем? Закричим?

Оптима покачал головой.

— Не криком. Ритмом. Тем, что не растворяется. У нас есть донесение, Фаргус. Пусть бумага станет барабаном. Пусть буквы будут ударами.

Фаргус сжал в руках свиток. Бумага, ещё недавно казавшаяся якорем, теперь ощущалась как оружие — тонкое, хрупкое, но единственное, что принадлежало только ему.

Сиринити кивнула, будто наконец услышала то, что искала в шёпote леса.

— Слова держат форму, — тихо сказала она. — Даже если всё остальное рассыпается.

Прима встала и расправила плечи.

— Тогда давайте не дадим ему нас проглотить. Пусть слышит: мы здесь. И мы не его эхо.

Они выстроились полукругом над тёмной впадиной, где корни сплетались в тугой узел. Оптима положил руку на плечо Фаргусу.

— Читай, — велел он.

Фаргус развернул свиток. Буквы в свете камня казались чёрными трещинами на белом. Он начал читать — не громко, но чётко, так, чтобы каждое слово падало отдельно, как камень в воду. И с каждым словом воздух будто уплотнялся, сопротивляясь лесному шёпоту.

Лес вздохнул — и на этот раз в его дыхании слышалось не только желание поглотить, но и удивление: кто-то не растворялся, не становился эхом, а стоял и говорил своё.

Тени отступили на шаг. Не исчезли — но перестали тянуться.

Оптима едва заметно улыбнулся.

— Видишь? — тихо бросил он Фаргусу. — Он не любит, когда с ним разговаривают. Значит, будем говорить. Пока не выдохнется. Или пока не поймёт, что мы не добыча.

Глава 4. Толстяк на тонком льду

Даффи Толстяк пришёл из деревни за грибами и не вернулся. Три дня он бродил по кругу — каждая тропа выводила к тем же воротам из дубов. Он думал, что проклялся. На четвёртый день Фаргус и Оптима услышали его крик и пошли на звук. Лес ответил раньше.

Это был не голос Даффи — скорее, его искажённое эхо, будто лес натянул крик на свои корни и теперь дёргал за них, как за струны. Окси поднял светящийся камень, но свет лишь обнажил странность: тени не лежали на земле, а висели в воздухе, словно ждали, когда кто-нибудь шагнёт в них и исчезнет. Сиринити шла, не отрывая взгляда от горизонта, будто боялась, что, если моргнёт, лес поменяет местами небо и землю. Прима шла последней, чутко прислушиваясь к шорохам — она знала: лес не шумит просто так, он пробует голоса на вкус.

— Он здесь, — выдохнул Фаргус, вцепившись в донесение, как в спасательный канат. — Я слышу, как он дышит. Не как лес. Как Даффи.

Оптима молча кивнул. Его спокойствие было не безмятежностью, а сталью: он знал, что впереди — не спасение, а сделка.

Они вышли на поляну, где земля казалась тоньше, будто под ней ничего не было. И посреди этого хрупкого места стоял Даффи — бледный, дрожащий, с глазами, в которых плескался первобытный ужас. Он топтался на месте, будто боялся сделать шаг: под его ногами лёд — хотя вокруг не было ни реки, ни зимы.

— Я не могу сойти! — выкрикнул он, и голос его сорвался. — Каждый шаг... он трещит. А потом снова срывается. Как будто я вообще не шёл.

Прима присела на корточки и провела ладонью по краю льда.

— Это не вода, — прошептала она. — Это тишина. Лес сковал её, как воду, и теперь она ломается под тем, кто слишком громко боится.

Окси шагнул вперёд, но Оптима резко выставил руку.

— Не ближе. Если лёд треснет под тобой, он заберёт не только шаг — он заберёт память о нём. Ты станешь человеком, которого никто не вспомнит.

Сиринити достала серебряную нить и протянула её Даффи.

— Держи, — сказала она твёрдо. — Не бросай. Нить помнит, кто ты. Пусть она будет якорем.

Даффи вцепился в нить так, будто это была сама жизнь. И в тот же миг лёд под ним дрогнул, но не рассыпался — он словно признал, что его пытаются удержать.

Фаргус сделал осторожный шаг вперёд.

— Мы вытащим тебя, — пообещал он. — Но ты должен идти не от страха, а от нас. Смотри на меня. На Оптима. На всех нас. Пусть твои шаги будут не бегством, а ответом.

О Оптима встал рядом с Фаргусом, тяжёлый и надёжный, как скала.

— Иди, — произнёс он спокойно, но в этом спокойствии звенела воля. — Мы здесь. Мы не позволим тебе стать эхом.

Даффи глубоко вдохнул, будто пытался набрать воздуха не для себя, а для леса, чтобы тот хоть на миг перестал тянуть. Он сделал шаг. Лёд треснул, но нить натянулась, удерживая не только его тело, но и его суть. Ещё шаг. Ещё. С каждым движением воздух становился чуть плотнее, будто реальность возвращалась на место.

Когда Даффи наконец ступил на твёрдую землю, он рухнул на колени и зарыдал — не от облегчения, а от того, что снова чувствовал себя настоящим.

Лес вздохнул где-то глубоко, недовольно, будто потерял добычу. Но на этот раз вздох не был жадным — он был усталым.

О Оптима положил руку на плечо Даффи.

— Ты вернулся, — просто сказал он. — А значит, лес не победил. Пока.

И в этот миг все они поняли: лес не просто дышит — он учится. И каждый раз, когда они вырывались из его хватки, он запоминал, как их ловить лучше.

Глава 5. Девочка, которая видела корни

Окси жила на опушке и умела читать корни. Не по ним — по их дрожанию. Она водила пальцами по узлам, будто по строкам, и видела то, что другим было не дано: как боль ползёт от ствола к стволу, как земля сжимается в судороге. Когда отряд вышел к её хижине, она даже не подняла глаз — просто сказала:

— Лес не умирает. Он давится. Что-то застряло в горле, и он не может ни вдохнуть, ни выплюнуть.

Фаргус шагнул ближе, сжимая в пальцах свиток с донесением, словно бумага могла удерживать равновесие мира.

— Что застряло? — спросил он, и голос прозвучал слишком громко, будто сам лес вздрогнул от этого вопроса.

Окси наконец посмотрела на него. В её взгляде не было страха — только горькое знание.

— Мы, — ответила она просто.

Даффи Толстяк поёжился, будто эти слова царапнули его по коже.

— Как мы можем быть... застрявшими? Мы же идём. Мы двигаемся.

Окси покачала головой и встала, жестом приглашая их за собой.

— Вы не идёте, — тихо сказала она. — Вы кружите. Лес ловит ваши шаги и сплетает из них узлы. Каждый раз, когда вы выбираете тропу, он запоминает, куда вы хотите попасть, — и делает так, чтобы вы туда не дошли. А чем сильнее стараетесь, тем туже затягивается петля.

Оптимист скрестил руки на груди, и даже в полумраке было видно, как напряжены его плечи.

— Значит, надо перестать стараться, — произнёс он ровно. — Надо идти не туда, куда хочется, а туда, где лес не ждёт.

Окси кивнула.

— Именно. Но для этого нужно видеть корни. Вот.

Она опустилась на колени и провела ладонью по земле. Корни под мхом слабо пульсировали, как вены под кожей.

Прима присела рядом, вглядываясь в переплетения.

— Они как карта, — прошептала она. — Но карта, которая меняется, пока смотришь.

Сиринити сжала серебряную нить.

— А если мы пойдём по ним? По этим линиям?

Окси подняла глаза.

— Только если не будете слушать себя. Слушайте их. Они знают, где лес тоньше, где можно проскользнуть, а где лучше даже не дышать.

Фаргус опустился рядом с Оксией, положил ладонь на землю и наконец понял: дрожь корней — это не боль, это шёпот. И в нём звучало одно и то же, снова и снова: «Не тяните. Не сопротивляйтесь. Станьте тише ветра».

Он посмотрел на Оптимиста.

— Если мы часть того, что застряло... значит, чтобы помочь лесу, нам нужно перестать быть помехой.

Оптимист медленно кивнул.

— Тогда идём не как герои, которые спасают мир, — сказал он. — А как тени, которые ему не мешают. Пусть он даже не заметит, что мы прошли.

Окси встала и пошла вперёд, не оглядываясь. Корни у её ног светились тусклым, почти невидимым светом — будто сами показывали путь. Остальные двинулись следом, стараясь ступать так, чтобы не потревожить даже травинку.

И тогда лес, казалось, на миг замер. Не для того, чтобы напасть, — а чтобы прислушаться. Будто впервые за долгое время услышал не крик, не борьбу, а тихий, осторожный шаг.

Впереди, между стволами, мелькнуло что-то тёмное и огромное — не дерево, не зверь, а сама суть леса, сжатая в комок боли. Там, в самом центре, пульсировал узел, похожий на застрявшее сердце.

Окси остановилась и подняла руку.

— Вот оно, — прошептала она. — То, что мешает ему дышать. И мы должны подойти так близко, чтобы он почувствовал: мы не враги. Мы просто хотим, чтобы он снова смог вдохнуть.

Оптимист посмотрел на каждого из них — на Фаргуса, сжимающего донесение, на Даффи, который старался не дрожать, на Приму, читающую землю, на Сиринити, держащую нить, на Оксией, видящую корни.

— Держитесь тихо, — тихо сказал он. — И держитесь друг за друга. Не руками — головами. Пусть каждый скажет хоть слово, чтобы остальные знали: мы здесь. Мы не растворились.

Фаргус едва слышно произнёс:

— Я здесь.

Прима добавила:

— И я.

Даффи, сглотнув, прошептал:

— Я тоже.

Остальные повторили за ними, и эти тихие слова легли на лес, как тонкая ткань, не разрывая его, а прикрывая рану.

Лес снова вздохнул — и на этот раз в его вздохе не было ярости. Только усталость. И, возможно, надежда.

Глава 6. Сиринити

Сиринити пришла из тумана без следов и без памяти — только имя и мелодия, которую она насвистывала. Мелодия повторяла ритм лесного дыхания, но с отставанием на один вдох. Как будто лес дышал за неё. Или она — за него.

Когда туман рассеялся, она стояла посреди поляны, будто выросла из земли, как гриб после дождя. Фаргус первым заметил её — и замер, потому что звук, который она издавала, совпадал с паузами между вздохами леса. Не идеально, не в такт, а именно с этим странным опозданием, словно она пыталась удержать то, что лес вот-вот должен был потерять.

Даффи Толстяк попятился, будто боялся, что, если подойдёт ближе, сам начнёт насвистывать ту же мелодию и уже не сможет остановиться. Прима присела на корточки и прислушалась не к звуку, а к земле: под ногами едва ощутимо вибрировали корни, отзываясь на каждый такт. Окси поднял светящийся камень, и в его свете стало видно, что вокруг Сиринити воздух дрожит, как над горячим камнем, — будто сама реальность здесь была тоньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.